

Р.Х. СИМОНЯН

СПЕЦИФИКА ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ ПРИГРАНИЧЬЯ РОССИИ И УКРАИНЫ (на примере Белгородского и Харьковского госуниверситетов)

СИМОНЯН Ренальд Хикарович – доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России, Москва, Россия (simonyan.renald@yandex.ru).

Аннотация. В условиях военного конфликта массовое сознание студентов российско-украинского приграничья представляет особый интерес, поскольку именно эта возрастная группа будет решать задачу по восстановлению и развитию добрососедства наших стран. В статье приводятся результаты проведенного в декабре 2021 г. сравнительного исследования студентов Белгородского и Харьковского госуниверситетов. Представлено общее и особенное в идентичности студентов, показано ее влияние на межнациональную толерантность, представление о своих странах, оценки происходящих в них общественных процессов, ориентации и установки. Близость основных характеристик сознания студентов двух стран подтверждает единство их культурного кода.

Ключевые слова: российско-украинское приграничье • молодежное сознание • идентичность

DOI: 10.31857/S013216250025806-9

Приграничье России и Украины: постановка проблемы и эмпирическая база. В первые годы после распада СССР для жителей приграничья России и Украины ничего не изменилось, сложившиеся связи (трудовые, коммерческие, досуговые, родственные) продолжались¹. Да и затраты на материально-техническое обустройство 2,3 тыс. км границы между братскими народами не казались первостепенными. Но с течением времени в российско-украинских отношениях стали возникать проблемы: финансовые задолженности Украины и рост масштабов «несанкционированного отбора российского экспортного газа», украинизация русскоязычного населения, активное вытеснение русского языка из школьного образования². В 2010-х гг. стремление вступить в Евросоюз привело к внутренним напряжениям, протестам и в дальнейшем – к вооруженным столкновениям в 2014 г. Парламент Республики Крым объявляет о своей независимости, проводит референдум, по результатам которого принимает решение о воссоединении с Россией. Весной на юго-востоке Украины происходят военные действия. На Донбассе жители приграничных регионов начинают все больше ощущать разделенность. И если сознание старшего поколения сформировалось во времена единого государства, то молодежь социализировалась в разных политических и идеологических условиях, поэтому, возможно, имеет заметные отличия в приоритетах, самоидентификации, социально-политических оценках происходящего, особенно вблизи конфликтных зон. Проверке этой гипотезы посвящено представляемое исследование.

Статья подготовлена при финансовой поддержке МГИМО МИД России в рамках проекта № 1921-01-01.

¹ С 1997 г. между Россией и Украиной действовало соглашение о безвизовом пересечении границы, а с 2004 г. разрешение гражданам одной страны находиться на территории другой без регистрации 90 дней. Эти соглашения действовали до 2018 г.

² В 1990/1991 учебном году на Украине было 4635 русских школ, в 2010/2011 уч. г. – 1149, в 2020/2021 уч. г. – 125.

Для обеспечения строгости исследования были выбраны Белгородская и Харьковская области. Они составляют основу Слободского края (Слобожанщины) – территории, активно осваиваемой с XVII в. русскими и украинцами. Поселяясь возле крепостных сооружений Белгородской засечной черты в слободах, имевших большие вольности, чем в глубине России, два братских народа охраняли границы на юге, сформировав исторически устойчивое единое территориальное сообщество, в котором русский язык был общепринятым. При проведении административных границ первыми советскими руководителями этот культурно-исторический феномен, как и многие подобные, не был принят во внимание. До событий 2014 г. само понятие «граница» между Россией и Украиной было условным [Черномаз, 2017]. Пограничная инфраструктура стала формироваться только после кризиса 2014 г., когда государственная граница приобрела полноценный политический статус.

Вновь ставшая приграничем после распада СССР Слободская Украина сохранила многие субэтнические черты: (1) здесь перемежаются украинские и русские поселения; (2) высокий удельный вес смешанных браков; (3) разговорное украинско-русское двуязычие («суржик»); (4) традиции свободолюбия и вольнодумства, идущие от казаков, бывших по духу и букве свободными людьми и имевших больше прав и льгот, а следовательно, зачастую более образованных по сравнению с населением глубинных территорий Украины. Здесь в условиях смешанного русско-украинского населения в 1804 г. был основан Харьковский университет, поэтому Слободскую Украину многие историки считают колыбелью украинской культуры, формировавшейся под благотворным влиянием русской культуры [Грушевский, 1991; Субтельный, 1993; Плохий, 2018].

Жители Харьковской области воспринимают белгородцев как представителей той же этногруппы. После событий 2014 г. многие харьковчане переехали в Белгород на постоянное место жительства и инкорпорировались в его социум [Черномаз, 2017: 414; Трансграничное..., 2010]. Из-за близости этнокультурных признаков мигранты из соседних регионов Украины не воспринимаются как «приезжие из других стран» [Листова, 2014], региональные различия представляются более весомыми, чем этнические: «местные жители почти не замечают приезжих украинцев (они не отличаются ни внешне, ни поговору), зато сразу же отличают русских, приезжающих с северных и восточных регионов России» [Баринков и др., 2009: 24].

В декабре 2021 г. был проведен опрос в Белгородском государственном национальном исследовательском университете и Харьковском национальном университете им. В.Н. Каразина. Объектом изучения стали магистранты двух вузов, генеральная совокупность в первом случае составляет 764 человека, во втором – 982. Анкетирование проведено по квотной выборке ($N = 400$, по 200 от каждого университета) пропорционально количеству факультетов и специализаций: в Белгородском университете 20 факультетов, в Харьковском – 19, готовящих специалистов в области точных, технических, естественных, гуманитарных и общественных наук. Раздаточная анкета включала шесть блоков вопросов: социальная идентичность; восприятие и отношение к окружающей реальности; представления о России и Украине; ожидания будущего; информационные каналы. Результаты опроса студентов-магистрантов приграничья двух стран представляются в сопоставлении друг с другом. Ошибка выборки составляет 5%. Исследование репрезентативно относительно объекта исследования, экстраполировать результаты на всю студенческую группу регионов не корректно. Однако подобный сравнительный анализ накануне СВО позволяет выделить схожее и отличное в суждениях студентов и может внести свой вклад в изучение массового сознания населения приграничных территорий.

Самоидентификация: сходства и различия. Несмотря на отмеченный социологами в последние годы рост этнической самоидентификации [Дробижева, 2017: 29], большинство студентов идентифицируют себя как граждан государства, но у харьковчан этот выбор выражен слабее, что возможно связано с неустойчивостью государственности Украины. Среди магистрантов Харькова практически равное число тех, кто идентифицирует

Таблица 1

Самоидентификация магистрантов Харьковского и Белгородского университетов
(в % от опрошенных)

Город	Гражданская	Этническая	Территориальная
Белгород	55,2	35,5	9,3
Харьков	42,3	40,7	17

Примечание. Ответы на вопрос: «Какая идентификация для вас наиболее значима?»

себя по гражданскому и этническому принципу. Обращение к этничности – общемировая тенденция, однако среди харьковчан самоидентификация по этому признаку выше, чем среди магистрантов-белгородцев (табл. 1).

Для большей конкретности анализа была выделена территориальная идентичность, близкая к этнической. Почти двукратные различия в территориальной идентификации связаны со статусом места проживания. Харьков – второй по величине город Украины и с 1919 по 1934 г. ее столица, промышленный, научный и образовательный центр страны, в СССР был третьим по величине (после Москвы и Ленинграда) индустриальным городом. Кроме того, среди респондентов доля местных жителей в Харькове существенно больше, чем в Белгороде. В обеих областях происходит начавшаяся после распада СССР депопуляция, но в Белгородской это компенсируется растущим притоком мигрантов, что отразилось на структуре респондентов: местных в Харькове – 59,7%, в Белгороде – 44,3%. Все это определило более высокую значимость территориальной идентичности для респондентов-харьковчан.

Значительная часть опрошенных предпочитает этническую идентификацию, что в условиях высокого удельного веса смешанных браков и роста миграционных процессов порождает проблемы для официальной регистрации и государственной статистики. В середине 1990-х гг. более 20% русских жителей Украины имели мать-украинку, 10% – украинца-отца, т.е. 30% русского населения Украины были этническими «полуукраинцами». Более 8% украинцев имели русского отца, более 7% – русскую мать, что делало «полурусскими» 16% украинцев. Бизническим было около половины населения Украины [Савоскул, 2001: 89]. В Белгородской области русско-украинскую этничность имели 16% жителей, а в приграничных муниципалитетах – 23% [Бубликов, 2018: 619]. Прогнозируется численный рост этой группы при сокращении «чисто» русского населения Украины и «чисто» украинского населения России [Митрофанова, Суций, 2017: 51].

Подобная (перекрестная, двойная, смешанная) идентификация дает основание для попыток ее законодательного закрепления. В.А. Тишков рекомендовал уточнить в переписи 2020 г. процедуру определения и подсчета этнической идентичности граждан, предоставив возможность свободно указывать этническую идентичность, а органы статистики обязать вести подсчет не только единичной, но и смешанной идентичности³ [Тишков, Степанов, 2018: 68].

Показательно распределение между местными и приезжими по выбору наиболее значимой идентичности: местные опережают приезжих в этнической и еще больше в территориальной самоидентификации, приезжие опережают местных в гражданской. В Белгороде гражданская самоидентификация у местных – 47,8%, у приезжих – 52,3%; этническая 54,2 и 46,8%; территориальная 68,3 и 31,7% соответственно. В Харькове: гражданская – 47,1 и 52,9%; этническая – 51,4 и 48,6%; территориальная – 72,8 и 26,3%.

В отличие от секуляризационных процессов в Западной Европе постсоветские Россия и Украина после кризиса коммунистической идеологии переживают религиозный ренессанс. Влияние религии на общественную жизнь во всех постсоветских государствах растет

³ Всероссийская перепись населения 2020–2021 гг. выявила 1,82 млн чел., указавших смешанную идентичность.

Таблица 2

Отношение к вероисповеданию магистрантов Харьковского и Белгородского университетов
(в % от опрошенных)

Город	Верующие	Воцерковленные	Атеисты	Агностики	Затр. отв.
Белгород	26,4	10,8	18,7	37,8	6,3
Харьков	28,5	7,3	19,6	40,6	4,0

Примечание. Ответы на вопрос: «Ваше отношение к религии».

[Лункин, 2021: 12]. Это отражено в результатах опроса: значительная часть респондентов – 37,2% белгородцев и 35,8% харьковчан указали на принадлежность к религиозному сообществу. Для большей конкретизации носителей регионального сознания религиозные и нерелигиозные группы были дифференцированы. Все различия находятся в пределах ошибки выборки и незначительны (табл. 2).

Для обозначения истинно верующих, исполняющих все религиозные обряды, в церковном обиходе существует понятие «воцерковленные». Отличие между этими группами четко проявляется в этнической самоидентификации, у воцерковленных она существенно выше: в Белгороде у верующих – 39,2%, у воцерковленных – 61,7%; в Харькове – 40,8 и 67,5% соответственно. В обоих приграничьях неверующие чаще предпочитают гражданскую идентичность, реже – территориальную. Если среди верующих этническая самоидентификация ненамного превосходит гражданскую, то среди воцерковленных – доминирует, что подтверждает прямую корреляцию этничности и религиозности сознания.

Выявились различия и в межэтнических отношениях. Среди белгородцев 83,7% указали на этнические группы, к представителям которых они испытывают дружеские чувства, среди харьковчан таких меньше – 68,9%. Наличие этнических групп, к представителям которых респонденты испытывают неприязнь, среди белгородцев 29,7% (максимальная у респондентов с гражданской идентичностью – 34,2%), среди харьковчан 32% (с гражданской идентичностью – 36,3%). Настроения ксенофобии менее характерны для указавших территориальную идентичность: в Белгороде – 14,2, в Харькове – 17,5%.

Важный изучаемый вопрос – оценка западноевропейского и азиатского влияния на этногенез русских и украинцев. Практически треть респондентов затруднились дать ответ, поэтому анализировать достоверность полученных данных в сравнении затруднительно. В Белгороде примат европейского влияния на Россию признают 52,5%, в Харькове – 43,6%, азиатского – соответственно 15,8 и 20,2%. Европейское влияние на Украину отмечают 50,8% белгородцев и 53,3% харьковчан, азиатское – соответственно 11,8 и 18,6%. Согласившихся с тем, что Россия входит в европейскую цивилизацию, в Белгороде – 47,5%, в Харькове – 54,7%.

Восприятие окружающего мира и современных вызовов. С учетом современных реалий сопоставим оценки студентами происходящего в их стране. Критический взгляд соседей оказался строже в отношении России у харьковчан – 75,7 против 62,1% у белгородцев. В отношении Украины примерно равные оценки с учетом ошибки выборки: у харьковчан 45,9% против 40,8% у белгородцев. В оценке эффективности управления в собственном государстве наибольший скептицизм проявили те, кто предпочел территориальную самоидентификацию.

При оценке соотношения взаимных интересов в экономическом сотрудничестве России и Украины с Евросоюзом в Белгороде считали, что Евросоюз нужен больше России (26,8%), чем Россия Евросоюзу (19,3%), треть считают, что заинтересованы в сотрудничестве обоюдно (36,5%). Среди харьковчан – 26,5, 29,7, 35,2% соответственно. В Харькове в большей степени считали, что Евросоюз нужен Украине (48,7%), чем Украина Евросоюзу (25,2%), в равной мере – 17,2%. У белгородцев – соответственно 43,3, 14,5, 20,6%.

Таблица 3

Уровень согласия с тем, что управление общественными процессами в стране происходит эффективно (в % от опрошенных)

Город	Согласен	Скорее согласен	Скорее не согласен	Не согласен	Затрудняюсь ответить
<i>В России</i>					
Белгород	4,4	18,2	25,4	34,7	17,3
Харьков	2	6,7	23,9	51,8	15,5
<i>На Украине</i>					
Белгород	10,8	31,7	24,3	16,5	6,7
Харьков	6,3	26,5	24,1	21,8	22,3

Примечание. Ответы на вопрос «Насколько вы согласны с утверждением, что дела в вашей стране идут в правильном направлении?». Схожий вопрос задавался по отношению к соседнему государству.

Респонденты отметили большую заинтересованность своих стран в сотрудничестве с ЕС, причем для Украины это особенно актуально, так как торговля с Россией в последние годы резко уменьшилась. Наибольшие различия были зафиксированы в оценках обоюдной выгоды: показатели России (в Белгороде – 36,5, в Харькове 35,2%) значительно превышали показатели Украины (в Харькове – 17,2, в Белгороде – 20,6%). Это объясняется девятикратной разницей масштабов экономик России и Украины. В 2021 г. ВВП России составил 1,68 трлн долл., ВВП Украины – 193 млрд долл. Взаимную заинтересованность РФ и ЕС определяло то, что Россия в 2021 г. возглавляла список стран-поставщиков в ЕС природного газа и лидировала по поставкам нефти и нефтепродуктов, а Евросоюз являлся в 2021 г. главным поставщиком в Россию машин, приборов, оборудования, транспортных средств и главным инвестиционным партнером.

В усилении Евросоюза видели опасность для России в Белгороде 23,8%, в Харькове 29,7%. Для ассоциированной с ЕС Украины такая опасность ощущалась значительно меньше. В Белгороде на ее наличие указали 18,7%, в Харькове – 14,2%. Эти данные корреспондируются с представлениями об истоках угроз для России и Украины. На внешние источники опасности для России в Белгороде указали 17,8%, на внутренние – 53,7%, затруднились ответить 28,5%. При этом если доля опасяющихся внешних угроз не зависела от самоидентификации, располагаясь в интервале от 16,7 до 19,2%, то на опасность внутренних угроз указали 51,6% белгородцев с гражданской идентичностью, 54,8% с этнической и 62% с территориальной. Харьковчане воспринимали угрозы для России более определенно: внешние – 32,8%, внутренние – 59,7%.

На внешние источники опасности для Украины указали 25,3% белгородцев и 44,8% харьковчан, на внутренние – 45,1% белгородцев и 46,7% харьковчан. Таким образом, несмотря на сложные межгосударственные отношения респонденты обоих регионов больше опасались для Украины внутренних угроз. Как в оценке рискогенности, так и в представлениях об источниках угроз харьковчане отличались большей определенностью.

При вопросе об информированности о соседнем государстве, каждая из сторон была уверена в недостатке знаний соседей о своей стране, т.е. и белгородцы, и харьковчане свое представление о соседях оценивали значительно выше, чем представления соседей о себе. Харьковчане это выражают гораздо решительнее, что имеет под собой обоснование. Жители нового зарубежья, возникшего после распада СССР, проявляют существенно больший интерес к тому, что происходит в России, чем россияне к происходящему в бывших союзных республиках. Повышенный интерес наших соседей обусловлен не только совместной историей, территориальной и этнокультурной близостью, но и масштабами России, ее ролью в международных отношениях и, прежде всего, влиянием

Таблица 4

Оценка взаимной информированности о соседней стране
(в % от опрошенных)

Кто лучше осведомлен	Россияне об Украине	Жители Украины о России	В равной мере	Затрудняюсь ответить
Белгород	22,7	19,6	37,6	20,1
Харьков	12,3	35,8	40,6	12,3

Таблица 5

Источники получения информации о странах-соседях (в % от опрошенных)

Город	Личные впечатления	Рассказы знакомых	Телевидение	Радио	Книги	Газеты, журналы	Интернет	Кино
Белгород	11,3	10,6	15,8	2,5	11,2	3	46,7	1,5
Харьков	16,1	7,3	22,5	1,5	10,7	2	40,2	1

на территории постсоветского пространства. Асимметрия взаимной информированности отразилась в результатах опроса.

Интернет по-прежнему является основным источником информации (46,7% для Белгорода и 40,2% для Харькова), с большим отрывом на втором месте – телевидение (15,8 и 22,5% соответственно). На основе различий в показателях личного опыта можно предположить, что харьковчане чаще бывали в России, чем белгородцы на Украине. Тем более что у них больше возможностей для непосредственного наблюдения общественной жизни в других странах: загранпаспорта имеют 91,3% опрошенных харьковчан, в то время как среди белгородцев – 47,2%. Каждый третий (33,7%) харьковчанин побывал в пяти и более государствах Европы, среди белгородцев – только каждый двадцатый (5,3%). Не были ни в одном из них среди харьковчан – 10,3%, среди белгородцев – 52,5%. Студенты-выпускники университетов по обе стороны российско-украинской границы демонстрируют представительный и в целом достаточно однородный источник информации о соседях.

Отметим, что общая оценка материального уровня в двух группах схожа. Оценивают его как хороший в Белгороде 25,1%, в Харькове 28,4%; средний – 53,4 и 61,2%. Однако доля тех, кто материальное положение семьи оценивает ниже среднего, в Харькове почти в два раза меньше, чем в Белгороде (21,5 и 11,4%).

Молодые харьковчане воспринимают себя материально более обеспеченными по сравнению с белгородцами, несмотря на то что Украина – одна из самых бедных стран Европы (по данным Всемирного банка, в 2021 г. 43 место из 44-х, позади только Косово). По данным МВФ, величина среднедушевого ВВП (ППС) на Украине составила в 2021 г. 14 146 долл. по сравнению с 30 431 долл. в России. Даже если учесть более равномерное распределение национального дохода на Украине, где индекс Джини в 2020 г., по данным ООН, был 26,1, в то время как в России – 37,8, разница остается весьма значительной. Самооценка формируется в процессе сравнения: молодежь Украины воспринимает себя на фоне общего невысокого уровня потребления и невысокого уровня притязаний. Неудовлетворенность материальных потребностей высока в обеих группах (Белгород – 69,2%, Харьков – 56,5%), но харьковчане чувствуют себя в меньшей безопасности (11 и 27% соответственно), разница данных о неудовлетворении потребности в самореализации в пределах ошибки выборки (16,3 и 13,3%). Неудовлетворенность материальных потребностей у более состоятельных респондентов была значительно выше, чем у менее состоятельных, а у неверующих выше, чем у верующих. В обеих сравниваемых группах наибольшую неудовлетворенность материальных потребностей высказали респонденты с гражданской самоидентификацией (в Белгороде – 73,4, в Харькове – 61,2%), наименьшую – с территориальной (в Белгороде – 58,7, в Харькове – 45,8%).

При этом у харьковчан больше оптимизма в оценке будущего. Считающих, что через три-четыре года их семьи будут жить лучше, в Белгороде – 25,8, в Харькове – 46,2%; будут жить так же – 43 и 38,1%; будут жить хуже – 13,2 и 6,3% соответственно. Можно отнести эти различия к ситуации, когда лучшие ожидания будущего исходят из того, что хуже уже некуда. Но положительное восприятие будущего харьковчанами имеет под собой и определенные обоснования: во-первых, начальный период становления государственности – самый трудный, поэтому перспективы представляются более благоприятными; во-вторых, новый этап хозяйственного сотрудничества с Западом, в том числе безвизовый въезд в ЕС, представляет особую ценность для молодежи. Возможно, именно надежды на лучшее будущее объясняют, несмотря на безвизовый режим и бедность Украины по сравнению с Россией, что у харьковчан доля ориентированных на эмиграцию была значительно меньше. Если готовых переехать на постоянное место жительства в другую страну в Белгороде было 60,2%, то в Харькове – 51,7%. Это свидетельствует и о преувеличении роли экономического фактора в структуре мотивов на отъезд в другую страну. Особенно это касается молодежи, для которой определяющими факторами являются не столько материальные условия, сколько качество жизни, позволяющее реализовать свой потенциал.

Существенные различия были обнаружены в восприятии двух важнейших общественных ценностей: «качество жизни» и «сильное государство». Считающих, что государственные законы прежде всего должны быть направлены на повышение качества жизни населения, в Белгороде – 89,3% (с гражданской идентичностью – 86,7, этнической – 90,3, территориальной – 91,5%), в Харькове – 80% (соответственно – 76,7, 80,4 и 82,3%); на создание сильного государства в Белгороде – 5,2%, в Харькове – 14%. Различие здесь заключается в том, что для Украины вопрос создания сильного государства – один из самых актуальных.

Заключение. Результаты исследования, проведенного в декабре 2021 г. до начала специальной военной операции, позволяют сделать вывод, что сложившийся в последние годы общественно-политический контекст в межгосударственных отношениях России и Украины за восемь лет после событий в Донбассе не оказал заметного влияния на массовое сознание студентов приграничья двух стран, что подтверждает общность их культурного кода. Наиболее заметными были не столько межгосударственные, сколько внутрирегиональные различия, которые тесно связаны с общими процессами, происходящими на постсоветском пространстве. На территории бывшего СССР в настоящее время идет активный поиск идентичности, что особенно характерно для поколения, вступающего в самостоятельную жизнь. Это нашло отражение в пропорциях выбора наиболее значимой идентичности, ценностных предпочтениях, отношении к религии, восприятии окружающей мира, уровне критичности к власти, оценках сотрудничества России и Украины с Евросоюзом и во многом другом. Проведенное исследование показало влияние идентичности на многие характеристики регионального сознания, в том числе на: представление о своих странах, оценки происходящих в них общественных процессов, образ будущего, восприятие соседних стран, оценки внешних и внутренних угроз, межнациональную толерантность, установки на эмиграцию, ценностные ориентации, отношение к религии и на другие характеристики регионального сознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баринов С., Гриценко А., Самсонова А. Образ Украины и особенности местной идентичности населения российско-украинского пограничья // Региональные исследования. 2009. № 3. С. 22–28.
- Бубликов В.В. Идентичность жителей Белгородской области в новых геополитических условиях // Научные ведомости БелГУ. Сер.: Философия. Социология. Право. 2018. Т. 43. № 4. С. 617–632.
- Грушевський М.С. Історія України-Руси. В 11 т. Т. 10. Київ: Наукова Думка, 1991.
- Дробіжєва Л.М. Общероссийская идентичность и уровень межнационального согласия как отражение вектора консолидационных процессов // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 26–36.

- Листова Т.А. Воронежские украинцы – русские «хохлы» // Вестник антропологии. 2014. № 2. С. 116–123.
- Лункин Р.Н. Религия и политический процесс // Международная аналитика. 2021. № 4. С. 7–25.
- Митрофанова И.В., Суций С.Я. Русские на Украине: геодемографические итоги постсоветского периода и среднесрочные перспективы // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 45–58.
- Плохий С. Врата Европы. История Украины / Пер. с англ. М.: АСТ, 2018.
- Савоскул С.С. Русские нового зарубежья: выбор судьбы. М.: Наука, 2001.
- Субтельный О. Україна Історія. Київ: Либідь, 1993.
- Тишков В.А., Степанов В.В. Этническое и религиозное многообразие России. М.: ИЭА РАН, 2018.
- Трансграничное украино-российское сотрудничество: формы, методы, перспективы / Под общ. ред. В.И. Дубницкого, В.И. Ляшенко. Донецк: Юго-Восток, 2010.
- Черномаз П.А. Опыт трансграничного сотрудничества в реалиях украинско-российского пограничья // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 12. М.: ИНИОН РАН, 2017. С. 413–419.

Статья поступила: 16.12.22. Финальная версия: 27.02.23. Принята к публикации: 17.04.23.

SPECIFICS OF STUDENTS' CONSCIOUSNESS IN THE BORDERLANDS OF RUSSIA AND UKRAINE (CASE OF BELGOROD AND KHARKIV UNIVERSITIES)

SIMONYAN R.H.

MGIMO University, Russia

Renald H. SIMONYAN, Dr. Sci. (Sociol.), Chief Researcher of the Institute of International Studies, MGIMO University, Moscow, Russia (simonyan.renald@yandex.ru).

Abstract. In the military conflict, the Russian-Ukrainian border area, and especially its social component, becomes an urgent problem for sociological science. Of interest is the mass consciousness of the population in the border region, primarily young people. This age group will solve the task of restoring and developing the good neighborliness of our countries. The article presents the results of a comparative study of the students' consciousness in the border regions of Russia and Ukraine – Belgorod and Kharkiv – conducted in December 2021, i.e. two months before the special operation. The substantiation of the choice of regions for comparative analysis is presented, the general and special features of students' self-identification are revealed, its influence on interethnic tolerance, the idea of their countries, assessments of social processes taking place in them, orientation and attitudes are shown. Despite the fact that the compared groups represent states that differ in economic, political and ideological conditions, a close proximity of the main characteristics of mass consciousness is revealed stated confirming the unity of their cultural and genetic code.

Keywords: Russian-Ukrainian borderland, regional consciousness, student community.

REFERENCES

- Barinov S., Gritsenko A., Samsonova A. (2009) The image of Ukraine and the peculiarities of the local identity of the population of the Russian-Ukrainian borderland. *Regional'nyye issledovaniya* [Regional Studies]. No. 3: 22–28. (In Russ.)
- Bublikov V.V. (2018) The identity of the inhabitants of the Belgorod region in the new geopolitical conditions. *Nauchnyye vedomosti BelGU. Ser.: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo* [Scientific Bulletin of the BelSU. Ser.: Philosophy. Sociology. Law]. Vol. 43. No. 4: 617–632. (In Russ.)
- Chernomaz P.A. (2017) The experience of cross-border cooperation in the realities of the Ukrainian-Russian border. In: *Russia: trends and development prospects*. Yearbook. Iss. 12. Moscow: INION RAN: 413–419. (In Russ.)
- Cross-border Ukrainian-Russian cooperation: forms, methods, prospects*. (2010) Ed. by V.I. Dubnitsky, V.I. Lyashenko. Donetsk: Yugo-Vostok. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (2017) All-Russian identity and interethnic accord as a reflection of the consolidation processes in Russian society. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 25–36. (In Russ.)
- Grushevsky M.S. (1991) *History of Ukraine-Rus*. In 11 vols. Vol. 10. Kiev: Naukova Dumka. (In Ukrain.)

- Listova T.A. (2014) Voronezh crests – Russian “Khokhols”. *Vestnik antropologii* [Bulletin of Anthropology]. No. 2: 116–123. (In Russ.)
- Lunkin R.N. (2021) Religion and political process. *Mezhdunarodnaya analitika* [International Analytics]. No. 4: 7–25. (In Russ.)
- Mitrofanova I.V., Sushchiy S.Ya. (2017) The Russians in Ukraine: Geodemographic results of the Post Soviet period and middle term prospects. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 45–58. (In Russ.)
- Plokhii S. (2018) *Gates of Europe. History of Ukraine*. Transl. from Eng. Moscow: AST. (In Russ.)
- Savoskul S.S. (2001) *Russians of the new abroad: the choice of fate*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Subtelny O. (1993) *Ukraine History*. Kiev: Libid. (In Ukrain.)
- Tishkov V.A., Stepanov V.V. (2018) *Ethnic and religious diversity of Russia*. Moscow: IEA RAN. (In Russ.)

Received: 16.12.22. Final version: 27.02.23. Accepted: 17.04.23.